

[ВЕРСИИ]

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ БРАТЬЕВ ИГНАТЬЕВЫХ

Во что они обошлись России?

Граф А. А. Игнатъев и маршал Жоффри.

Маршал Франции Ж. Жоффри (в центре), представитель Временного правительства Генерального штаба генерал-лейтенант М. И. Занкевич (сидит шестой слева), военный агент Генерального штаба генерал-майор граф А. А. Игнатъев (сидит третий слева), Генерального штаба полковник граф П. А. Игнатъев (стоит восьмой слева), подполковник А. Н. Панчулидзе (? — стоит пятый справа) среди чинов французского Генерального штаба. Париж. 1917 г. РГАКФД.

Aux pauvres, mais honnêtes. Souvenir du colonel Ignatieff.

(Бедным, но честным.

На память от полковника Игнатъева.)¹

Первая мировая даже для специалистов до сих пор остаётся в значительной степени войной неизвестной. Такое положение медленно, но неуклонно меняется. Среди материалов фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) РГВИА при содействии моего друга, исследователя истории русской военной разведки Василия Каширина удалось обнаружить дело, почти полностью посвящённое расследованию деятельности русского военного агента во Франции (1912–1918) Генерального штаба генерал-майора графа Алексея Алексеевича Игнатъева — будущего автора широко известной книги воспоминаний «Пятьдесят лет в строю». Уже после этого удалось выявить ценнейшие материалы, проливающие свет на предательскую по сути деятельность Игнатъева в условиях войны.

Граф Алексей Игнатъев, штабс-ротмистр Кавалергардского полка, в наряде стрельца Стремянного приказа времён царя Алексея Михайловича.

Граф Павел Игнатъев, корнет лейб-гвардии Гусарского полка, в наряде «копейщика» XVII века при Стрелецком полку.

Костюмированный бал в Зимнем дворце. Февраль 1903 г.

КАК РАСТРАТИТЬ 80 МИЛЛИОНОВ

И раньше приходилось сталкиваться с весьма нелестными отзывами о деятельности графа Игнатъева, главным образом в эмигрантских публикациях. Оно и понятно. В Советском Союзе какая бы то ни было критика вернувшегося на родину «красного графа» была невозможна, он был символической, знаковой фигурой. Впрочем, апологетика Игнатъевых присуща и современной литературе². В эмиграции же Игнатъева обвиняли в растрате 80 миллионов франков, направленных во Францию в счёт погашения заказов русского военного министерства в годы Первой мировой войны, и преследовали за это. По мнению эмигранта А. Маркова, через руки Игнатъева «прошли миллиарды русских денег в погашение сделанных военным министерством во Франции заказов, и из этих громадных сумм к его рукам прилипло столько, что к концу войны Игнатъев был уже не в состоянии представить отчёта»³. Поддержку графом большевиков связывали именно с этими растратами.

Кроме того, негативное отношение эмигрантов к Игнатъеву было обусловлено тем, что в период Гражданской войны он занял выжидательную позицию, в отличие от многих русских военных агентов не поддержал Белое движение и не позволил его участникам использовать огромные денежные средства, имевшиеся в его распоряжении (есть документальные подтверждения того, что на всякий случай Игнатъев в годы Гражданской войны стремился заявить о своей лояльности белым, но не стоит переоценивать значение этих документов)⁴.

Обвинение в растрате денег доказано не было, в распоряжении исследователей до сих пор были лишь косвенные свидетельства на этот счёт. Прежде всего, сам Игнатъев в своих воспоминаниях уделил довольно пристальное внимание вопросу о денежных суммах, словно пытаясь оправдаться, что само по себе уже не может не вызывать подозрений. Кроме того, знавшие графа отмечали, что он, ведая колоссальными денежными средствами, в Париже жил достаточно широко⁵. Отсутствие прямых доказательств хищений позволяло исследователям героизировать и романтизировать как самого Алексея Алексеевича (Игнатъева 1-го), так и главу русской контрразведки во Франции (с ноября 1915 года) — его младшего брата, Генерального штаба полковника Павла Алексеевича Игнатъева (Игнатъева 2-го), выдавая их за людей чести⁶.

Генерального штаба полковник граф А. А. Игнатъев. РГАКФД.

ПРИЗНАНИЯ ПОДПОЛКОВНИКА ПАНЧУЛИДЗЕВА

Братья Игнатъевы принадлежали к старинному аристократическому роду, последние представители которого любили жить весьма широко. Обнаруженные мною документы позволяют по меньшей мере усомниться в том, что в деятельности братьев Игнатъевых всё было столь радужно, как представлялось до сих пор. Я не претендую ни на сенсацию, ни на окончательный приговор Игнатъевым, а лишь пытаюсь разобраться в том, что творилось в 1915–1917 годах в русской военной миссии во Франции.

Итак, 16 октября 1917 года, всего за девять дней до большевистского переворота в Петрограде, состоящий в распоряжении начальника Генерального штаба в Париже 33-летний подполковник Алексей Николаевич Панчулидзева написал ра-

порт на имя своего шефа, в котором выдвигал тяжёлые обвинения против Игнатъева 1-го. Написать, по сути, донос на своего начальника, что в русской армии всегда считалось предосудительным, кадрового офицера вынудили крайние обстоятельства и граничащие с изменой очевидные злоупотребления.

Подполковник происходил из известного дворянского рода Пензенской губернии, по вероисповеданию был православным. Как и Игнатъев, Панчулидзева окончил Пажеский Его Величества корпус (1903 год). Между пажами всегда существовали самая тесная, дружеская спайка и взаимовыручка, что, на мой взгляд, является ещё одним доводом в пользу серьёзности обвинений. Позднее Панчулидзева служил в лейб-гвардии Уланском Его Величества полку, в составе которого участвовал в Первой мировой войне с начала боевых действий и был награждён георгиевским оружием (1915 год). Осенью 1915-го, получив ранение на Восточном фронте, был направлен во Францию, где стал

помощником военного агента, а с 17 (30) января 1917 года занимал должность штаб-офицера для поручений при русском военном агенте. После революции Панчулидзев остался во Франции, стал священником, умер 9 марта 1964 года в Бюсси⁷.

Примечательно, что героя Первой мировой войны Панчулидзева Игнатъев охарактеризовал лишь как «личного адъютанта (генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского — А. Г.), сына своего (то есть Жилинского — А. Г.) старого полкового товарища Панчулидзева». О том, что Панчулидзев в течение нескольких лет был помощником Игнатъева, последний в своих весьма обширных мемуарах не обмолвился ни словом, а об обвинениях в свой адрес написал: «— Хабара! Хабара! — долетали до меня из коридора незнакомые мне слова. Я узнал голос Панчулидзева, бывшего адъютанта Жилинского, бывшего пажа и гвардейского офицера. — Справимся, наконец, мы с тобой, Игнатъев. Не станешь больше совать нос в каждый счёт да в каждый чек!»⁸ Эта история, на мой взгляд, выглядит довольно неправдоподобно и комично. Сам Игнатъев, естественно, всячески отрицал собственную вину: «...— Про вас говорят, что вы уже отложили на чёрный день в Швейцарии восемьдесят миллионов франков! — Почему не сто? — шучу я сквозь слёзы. Впервые в жизни я начал избегать людей». Но если от мемуаров Игнатъева перейти к архивным документам, то его деятельность предстаёт в ином свете.

В своём рапорте подполковник Панчулидзев писал, что Игнатъев «в течение двух лет, почти, моего пребывания во Франции был мною замечен:

I) В пренебрежительном отношении к Русской Армии, выразившемся в непристойных выражениях по отношению к ней и к Главному Управлению Генерального Штаба, а равно в безучастном отношении к защите достоинства русских офицеров, по отношению к которым были допущены некоторые некорректности.

II) Во лжи.

III) В закулисных интригах поочерёдно против всех представителей нашего Военного Командования во Франции с целью дискредитировать их как в глазах французских, так и русских властей, дабы доказать, что только его, Игнатъева, деятельность и является полезной во Франции и что он один способен быть в ней полноценным представителем Русской Армии. Эти интриги выразились:

а) в доносах,

б) в пассивном сопротивлении, тайно, через третьих лиц, оказываемом к исполнению их распоряжений.

IV) В клевете против различных чинов Русской Военной Миссии во Франции.

V) В недобросовестном отношении к казённым деньгам и в отсутствии заботливости о казённом имуществе.

VI) В лицепрятном отношении при проведении заказов к одной только группе заводов и в лицепрятном предпочтении одному лишь финансовому деятелю.

VII) В попытках к установлению всеми способами лиц, которые, по мнению Игнатъева, могли бы быть опасными свидетелями его образа действий, для чего он пользовался услугами подчинённого ему Русского Отдела Междоусюзнического Бюро по контрразведке в Париже, во главе которого поставлен его родной брат, Гвардии 1-го Гусарского полка, Полковник Граф Игнатъев 2-й (Павел)⁹.

В рапорте Панчулидзева были и такие строки: «Одной из тормозящих дело раскрытия истины причин является то обстоятельство, что бюро контрразведки в Париже состоит под начальством родного брата нашего Военного Агента и является мощным орудием последнего для осведомления о всём, что может быть ему лично невыгодно, и нажима на тех, кому известны компрометирующие гр[афа] Игнатъева факты... Графы Игнатъевы устроили на время войны из Парижа как бы Игнатъевский майорат, из которого под самыми лживыми и гнусными предложениями изгоняются все виновные их самодержавной воле»¹⁰. Далее к каждому пункту обвинения Панчулидзев приложил обстоятельное описание, остановимся на наиболее значимых отрывках из них.

ВАРВАРЫ И СКИФЫ?

Пренебрежительное отношение Алексея Игнатъева к армии (первый пункт обвинения) проявилось в ноябре 1915 года, когда он в одном из разговоров, порицая русскую армию, призывал собеседников учиться у французских, потому что мы «варвары и скифы»¹¹. Игнатъев высказывал эти суждения не только русским офицерам: «Я и французам говорю, что же вы хотите от таких варваров, ведь это скифы». Однажды, получив приказание из ГУГШ, Игнатъев заявил: «В Главном Управлении Генерального Штаба сидят одни идиоты и скифы». Особенно резко Игнатъев отзывался о работе Отдела по устройству и службе войск ГУГШ. По мнению подполковника Панчулидзева, Игнатъев за пять лет пребывания вне России попал под влияние французов и полностью утратил русскую точку зрения на вещи. Безучастность к защите достоинства русских офицеров он проявил, когда 17 февраля (1 марта по новому стилю) 1917 года на завтраке у военного министра генерала Л.-Ж.-Г. Лиоте для русского офицера, Генерального штаба полковника И. И. Щолокова не хватило места. Безусловно, это было унижением не только для конкретного штаб-офицера и генштабиста, что само по себе невероятно, но и для всей союзной русской армии. Долгом Игнатъева как армейского представителя

Наташа Труханова — знаменитая французская танцовщица.

Наталья Труханова — вторая жена графа А. А. Игнатъева.

было вступить за честь офицера и армии, однако он этого не сделал.

Интриги, приписываемые Панчулидзевым графу, действительно впечатляют. Поскольку они касаются и самого Панчулидзева, можно сказать, что эта информация фактически из первых рук. Игнатъев, по мнению Панчулидзева, очень боялся ответственности. Когда в июне–июле 1917 года в лагере русских войск во французском городе Иер возникло недовольство и сопротивление попытке отправить солдат на Салоникский фронт, Игнатъев две недели не отвечал на предложение французов, считавших единственно возможным расстрелять бунтовщиков из пулемётов. Ответственность взял на себя Панчулидзева, заявивший, что такие репрессии со стороны французов недопустимы, так как негативно скажутся на отношении к союзникам в России¹².

И, наконец, самый болезненный для Игнатъева вопрос — о хищениях казённых денег. Однажды между Игнатъевым и кем-то из французов произошёл следующий диалог: «—Верно ли, Полковник, говорят, что Вы с начала войны заработали свой третий миллион? — Что Вы хотите, когда есть любовница, — это стоит дорого, мне необходимо зарабатывать деньги»¹³ (перевод мой. — А. Г.). Ответ Игнатъева воспринимался не как шутка, а как бравада.

Панчулидзева писал по этому поводу: «Я должен признать, что за все мои многочисленные командировки: в Японию, Францию, Германию, Швейцарию, Италию, Англию, мне впервые приходится слышать в обществе подобные рассказы про кого-либо из наших военных агентов, но, к сожалению, молва растёт с каждым днём»¹⁴. И действительно, Игнатъев с 1914 года жил с известной танцовщицей Натальей Трухановой, дочерью цыгана и французки, в июне 1918-го они обвенчались. Мало того, что Игнатъев жил на её квартире в доме 19 по набережной Бурбонов, он давал её телефон как служебный¹⁵.

Всё бы ничего, если бы Игнатъев на содержание Трухановой не использовал казённых денег. «О хищениях, происходящих в нашей Парижской Заготовительной Комиссии, состоящей под председательством Гр[афа] Игнатъева, говорят на всех перекрёстках, и я лично долгое время не придавал всем этим толкам никакого значения. Однако сопоставление одного документально доказанного факта с одним странным признанием самого Гр[афа] Игнатъева, в связи с показанием одного французского офицера при дознании по делу Полковника Бремва (? — А. Г.), привели меня к глубокому убеждению, что все слухи о Гр[афе] Игнатъеве имеют безусловное

основание и, что если он и не принимает непосредственного участия в происходящих хищениях, то таковые тем не менее совершаются не без его ведома и, может быть, косвенной пользы для него»¹⁶, — писал Панчулидзева.

Небезынтересно, что родовой майорат Игнатъева — имение Ольгово Московской губернии, — по данным на 1916 год, приносил ему ежегодно 50 000 рублей убытка¹⁷, притом что годовой доход воен-

Генерал-майор Красной армии Алексей Алексеевич Игнатъев. 1940 г. РГКФД.

ного агента в странах второго разряда, к которым относились Франция, Германия, Австро-Венгрия, Китай и Япония, составлял за всеми вычетами 1500 рублей жалованья, 3500 столовых, 1200 квартирных и 700 рублей на служебные расходы, всего 6900 золотых рублей. Откуда же брались деньги?!

Ежемесячно через Игнатъева проходило около 120 миллионов франков, а всего миссией с 1 (14) января 1914-го по 1 (14) января 1918 года было потрачено 1 млрд 70 млн 177 тыс. 302 франка 60 сантимов¹⁸. Небезынтересна личность П. К. Ильинского — человека, отвечавшего у Игнатъева за финансы. Ильинский всецело был креатурой Игнатъева, возвысившего его из низов, благо командование позволяло

вести финансовую деятельность через любых лиц. Свою карьеру Ильинский начал в качестве... кухонного мужика у секретаря русского посольства во Франции графа Фервека, затем, ещё до войны, работал писцом у Игнатъева (по другим данным, камердинером¹⁹), после чего возглавил счётный отдел. Из нижних чинов Ильинский был произведён Игнатъевым в офицеры, став в одночасье подпоручиком (позднее поручиком) корпуса переводчиков²⁰. По данным французской военной разведки, Ильинский был «абсолютным ничтожеством, человеком с довольно тёмным прошлым...»²¹. Не будучи профессиональным бухгалтером, он вёл у Игнатъева финансовую отчётность по огромным суммам. Весьма вероятно, русскому военному агенту требовался как раз такой человек — безропотный исполнитель, который не задавал лишних вопросов и в случае провала мог стать крайним.

СПОСОБЫ ОБОГАЩЕНИЯ

Каким же образом Игнатъев зарабатывал деньги? Пример первый. По свидетельству большого правдоискателя, члена артиллерийской комиссии полковника Ф. Г. Колонтаева, заказ на поставку дистанционных трубок для артиллерии по 6 франков за штуку Игнатъевым был отклонён, сам Колонтаев отправлен на фронт, а за время его отсутствия графом сделан заказ на трубки по 12 франков за штуку²².

Пример второй. Весной 1916 года русским военным агентом было получено при посредничестве Русского торгово-промышленного банка, не пользовавшегося его покровительством, предложение пяти французских предприятий о поставке двух миллионов тяжёлых снарядов. По получении этого предложения Игнатъев был сильно взволнован, у его сотрудников сложилось впечатление, что это предложение задевает какие-то личные интересы графа. Заказ в итоге был размещён в различных отделениях завода «Крез-Шнейдер», и так не справлявшегося с русскими заказами из-за их обилия. Пять фирм, первыми предложивших заказ, имели проблемы с французской полицией, их представители были вызваны на допрос, так как якобы не имели права делать предложения непосредственно военному агенту²³.

Колонтаев располагал документальными подтверждениями того, что Игнатъев при размещении заказов всё время отдавал предпочтение исключительно заводам Шнейдер и связанным с ними, причём деньги переводились исключительно через Русско-Азиатский банк и директора его парижского отделения А. Г. Рафаловича. Нажитые с поставок

Директор парижского отделения Русско-Азиатского банка А. Г. Рафалович.

деньги Игнатъев, по показаниям французского офицера капитана Дофина, приобрёл «для одной артистки» ожерелье стоимостью 300 000 франков²⁴. Есть и свидетельства о сотрудничестве Русско-Азиатского и ряда других банков с немцами²⁵. Думаю, целенаправленный поиск документов в архивах Русско-Азиатского банка и заводов Шнейдер позволит разобраться в этом тёмном и грязном деле, происходившем аккурат в те дни, когда русские солдаты десятками тысяч гибли в наступлении у озера Нарочь. Полковник военно-судебного ведомства Ю. И. Лисовский, пытавшийся расследовать деятельность Игнатъева, писал: «Могу предположить, что в то время, когда русский солдат и офицер умирали в России на фронте, изнемогая от недостатка снарядов и другого боевого материала, в Париже были люди, занимавшие ответственные места в заготовительной комиссии и думавшие очень мало о том, что на русском фронте умирают русские люди и что их добросовестная работа может уменьшить количество этих смертей»²⁶.

По агентурным донесениям французской разведки, завербованной служанку Игнатъева, «граф Алексей Игнатъев вследствие своих расходов на Труханову в одно прекрасное время оказался в очень затруднительном материальном положении... в её (служанки. — А. Г.) присутствии неоднократно составлялись фальшивые документы на крупные суммы»²⁷. Вызывала сомнения и финансовая порядочность начальника русской контрразведки во Франции Игнатъева 2-го, также имевшего в Париже любовницу и получавшего за одну и ту же информацию деньги и от Генерального штаба, и от Ставки, и от фронтовых штабов. При проверке его деятельности ценными за период с мая по

август 1917 года были признаны лишь 11,7 процента донесений (38 из 324 телеграмм). Кроме того, при расследовании в августе 1917 года 154 телеграммы Павла Игнатъева были признаны неверными, 87 бесполезными, а 28 даже несерьёзными²⁸. При этом расходы Игнатъева 2-го в 1916 году составили порядка четырёх миллионов франков.

Помимо всего прочего Павел фабриковал дела по обвинению в шпионаже всех неугодных его старшему брату. Таким способом были устранены Генерального штаба полковник В. В. Кривенко, поручик граф В. И. Капнист, коллежский советник П. С. Вяжсеев (в документе фамилия неразборчива. — А. Г.) и, наконец, сам автор рапорта Панчулидзева, что и заставило последнего взяться за перо. Из состава русской военной миссии Игнатъевыми были также удалены полковники Колонтаев и Лисовский²⁹. Вышеперечисленные офицеры и чиновники так или иначе пытались бороться с Игнатъевыми: Капнист составил рапорт об их деятельности на имя председателя Временного правительства Генерального штаба генерал-лейтенанта М. И. Занкевича, травлю которого также пытался организовать Игнатъев³⁰, Колонтаев располагал документами о неправильном ведении Игнатъевым дел, Лисовский, возглавлявший Расследовательную комиссию, обнаружил злоупотребления на принадлежавших русской военной миссии огромных складах во французском Бресте.

Занкевич писал Игнатъеву 26 июля 1917 года, требуя командировать в Брест следственную комиссию:

«Из доклада командированной мной в гор. Брест комиссии выяснилось, что сложенные там военные грузы, которые по независимым от Русской Миссии причинам не могли до сих пор быть отправлены в Россию, частью пришли в негодность, благодаря отсутствию или недостаточности приспособлений, ограждающих их от влияния сырости и непогоды...»³¹

В истории со складами в Бресте ещё в конце июня 1917 года было проведено расследование, материалы которого сохранились. Русское военное имущество постепенно приходило в негодность от небрежного хранения (тысячи ящиков с ржавыми касками, патронами, снарядами, автомобилями, гнилой конской сбруей³²). Все закупки на сумму в 20 миллиардов рублей и хранение приобретённого имущества находились в ведении графа Игнатъева, причём общая сумма ущерба от преступного недосмотра составила миллионы рублей. Русские грузчики (многие из военнопленных, бежавших из германского плена), работу которых опла-

Генерального штаба полковник М. И. Занкевич.

чивала русская миссия, работали с частными лицами, не имевшими к России никакого отношения, в частности, соорудили для французов заборы³³. Как показал подпрапорщик А. Д. Касьянов, занимавшийся разгрузкой вагонов: «Председатель Миссии выдаёт фальшивые удостоверения, беря всякую частную работу под опеку, и называет её казённой. Такой порядок сильно волнует нашу команду, отбивает всякую охоту к работе и подрывает наши физические и моральные силы»³⁴.

Подобные показания давали и другие лица, участвовавшие в погрузке. В счетах на довольствие нижних чинов указывались продукты питания, которых они не получали. Затягивались, возможно преднамеренно, погрузки пароходов, вместо 5–6 до 10–17 дней, что вело к огромным расходам за простой кораблей (до 30 тысяч франков за погрузку). Поручик Д. О. Морозов показал, что «у меня невольно сложилось крепкое убеждение о том, что расходы Миссией Русских денег ведутся совершенно произвольно... я вновь усматриваю, что поставленным во главе Русской Миссии лицам в Бресте русские интересы чужды»³⁵. Председатель следственной комиссии по ситуации в порту Бреста Лисовский в своих неопубликованных мемуарах писал, что прямых улик, доказывающих причастность Игнатъевых к произошедшему в Бресте, не имеется. Однако на протяжении всех своих воспоминаний он указывает на то, что именно Игнатъевы ответственны за это: «Граф Игнатъев вплоть до настоящего времени не может равнодушно слышать о Генерале Занкевиче, возбудившем дело о беспорядках в Бресте». По свидетельству Лисовского, Игнатъев 1-й умышленно препятствовал работе комиссии и даже прислал для наблюдения за ней своего соглядатая — пра-

порщика Градова. Игнатъев очень болезненно воспринял доклад Лисовского об итогах поездки в Брест, проявлял «необыкновенную нервность и заносчивость; он перебивал мои слова, делал странные выпады, заявлял, что Комиссия не имеет права соваться в те дела, которые ей не подведомственны, и т. д. Это сильно мешало докладу, хотя, по-видимому, Граф Игнатъев забывал самое главное: я докладывал от лица всей Комиссии, присутствовавшей здесь же, а Комиссия расследовала согласно предписанию, данному Представителем Временного Правительства». После комиссии Лисовского уже сам Игнатъев направил в Брест свою комиссию, задачей которой, по мнению Лисовского, было «замазывать» все ранее вскрытые злоупотребления³⁶.

ОБОРОТНИ В ПОГОНАХ

Характерно, что упоминания Игнатъевым в мемуарах из всех его оппонентов удостоились лишь Панчулидзе и представитель Генерального штаба при французской главной квартире Генерального штаба полковник В. В. Кривенко («оказался по отношению ко мне — вероятно, из зависти — большим врагом»³⁷), как будто остальных и не существовало. По сути, в Париже к 1916–1917 годам сложилась организованная группа, объединявшая братьев Игнатъевых, Рафаловича и покровительствовавшего им русского поверенного в делах в Париже (май–октябрь 1917 года) богатого грека М. М. Севастопуло. Не исключено, что в делах Игнатъева был замешан и русский морской агент во Франции капитан 1-го ранга В. И. Дмитриев, во всяком случае об этом писал Лисовский³⁸. С такой организацией в чужой стране, где все административные рычаги, благодаря многолетним связям с французской элитой, были у Игнатъева 1-го, офицерам русской военной миссии, сохранившим верность присяге, бороться было почти невозможно.

Есть и более страшное обвинение

Панчулидзева — с целью отвлечь внимание русского и французского командования от своих махинаций Игнатъевы содействовали беспорядкам в частях Русского экспедиционного корпуса во Франции в 1917 году³⁹. По всей видимости, речь идёт о событиях в лагере Ля-Куртин (близ города Лимож), в котором летом 1917 года произошло восстание русских солдат. Лисовский также писал о требующих проверки слухах, что Игнатъев засылал в Ля-Куртин агитаторов⁴⁰. Внешне всё выглядело вполне благопристойно: «Граф Игнатъев соблюдал строгую дипломатию, ни во что «строевое» не вмешивался и делал вид, что он вообще ничего не знает о Ля-Куртин»⁴¹. Впрочем, в мнимую неосведомлённость Игнатъева трудно поверить.

Дознание по делу Игнатъевых проходило в Петрограде и началось в весьма символичный для русской истории день — 25 октября 1917 года. По мнению Лисовско-

го, «в Русской миссии во Франции... несомненно, есть люди, для которых большевистский переворот был сущим подарком. Наоборот — не явись большевики, не все служащие в Русской миссии чувствовали бы себя хорошо вплоть до настоящего времени и, вероятно, сели бы на скамью подсудимых и были бы достойно наказаны»⁴². Поскольку более поздние документы в деле Игнатъевых отсутствуют, можно предположить, что в тот же день расследование было прекращено. По той же причине не состоялась и сенаторская ревизия в брестском порту.

Даже если все выдвинутые против Игнатъевых в 1917 году обвинения ложны (что маловероятно), всё равно их деятельность, давшая повод столь громким слухам в политических кругах и обществе двух стран, а позднее вызвавшая даже специальное расследование, находившееся на контроле у начальника Генерального штаба, нанесла самый серьёзный ущерб престижу России и русской армии. Однако похоже, что ложными эти обвинения отнюдь не были. Оставшиеся средства граф Игнатъев в 1925 году передал СССР...

Генерал-лейтенант в отставке Алексей Алексеевич Игнатъев с супругой Натальей Трухановой. Фотограф Л. Раскин. Москва. Сентябрь 1948 г. РГАКФД.

Примечания

1. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. Кн. 4–5. М. 1989. С. 134.
2. См., напр.: Враги братьев Игнатъевых//Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3. Ч. 1. М. 2001. С. 346–354.
3. Марков А. Записки мерзавца//Военная быль (Париж). 1957. № 22. С. 26.
4. Шавров А. В., Смирнова И. М. Неизвестное письмо известного генерала (граф А. А. Игнатъев — адмиралу А. В. Колчаку)//Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 107–110.
5. Игнатъев М. Русский альбом. Семейная хроника. СПб. 1996. С. 131; См. также донесения французской военной разведки и контрразведки по данному вопросу: Французская разведка о деятельности графа П. А. Игнатъева (Документы)//Игнатъев П. Моя миссия в Париже. М. 1999. С. 301–302, 306.

6. См., напр.: Любимые женщины братьев Игнатъевых//Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3. Ч. 2. М. 2001. С. 384–410.
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 95, 120, 122 об.; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М. 2004. С. 683; Волков С. В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М. 2002. С. 364.
8. Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 232, 305.
9. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 93–94.
10. Там же. Л. 92.
11. Там же. Л. 95.
12. Там же. Л. 101.
13. Там же. Л. 107.
14. Там же.
15. Там же. Л. 114.
16. Там же. Л. 113.
17. РГВИА. Ф. 15304. Оп. 1. Д. 155. Л. 124.

18. Там же. Оп. 4. Д. 197. Л. 2.
19. Лисовский [Ю. И.] Что я знаю о Бресте — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 11.
20. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 114.
21. Цит. по: Французская разведка... С. 305.
22. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 113.
23. Там же. Л. 109.
24. Там же. Л. 113.
25. Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М. 1998.
26. Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 годах//Вопросы истории. 2001. № 10. С. 131.
27. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 8.
28. Цит. по: Французская разведка... С. 306.
29. Звонарев К. К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время

войны 1914–1918 гг. В 2 кн. Кн. 1. М. 2003. С. 247.
29. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 116, 118; Ф. 15304. Оп. 2. Д. 179. Л. 181.
30. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 79.
31. РГВИА. Ф. 15304. Оп. 4. Д. 149. Л. 179.
32. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 42, 44, 46, 47, 49, 50, 57, 62.
33. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 35.
34. РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 230. Л. 28.
35. Там же. Л. 68 об. — 69.
36. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 6, 32, 77.
37. Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 232.
38. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 31.
39. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 116.
40. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 81.
41. Лисовский Ю. [И.] Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции)//Архив русской революции. Т. 17. Берлин. 1926. С. 274.
42. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 8–9.